

с денационализацией русских детей, на которую в то время было много жалоб» [Струве, с. 139]

⁷ Так характеризует книги этой серии Е. А. Елачич на страницах журнала «Русская школа за рубежом»: [Рецензия] / Елачич Е. А. // Русская школа за рубежом. Прага, 1923. Кн. 5–6. С. 211; Рец. на кн.: Гедина С. По пустыням Азии. Берлин: Изд. С. Ефрона, [между 1920 и 1933]. (Библиотека путешествий и приключений).

Литература:

Амфитеатров А. В. К русскому юношеству // Колос: Русские писатели русскому юношеству. Шавиль: Изд-во общежития для русских мальчиков в Шавиле, 1928. С. 15–19.

Бочарова З. С. Положение русских детей в эмиграции (по материалам Бюллетеней Земгора) // Мир детства в русском зарубежье. III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX в.» (Москва, 25–27 марта 2009): сб. докл. / сост. И. Ю. Белякова. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 15–28.

Долгова Н. М. Детские журналы русской эмиграции, 1920–1930-е гг. // Вопросы культурологии. Москва, 2006. №1. С. 95–100.

Комин В. В. Крах российской контрреволюции за рубежом: учеб. пособие. Калинин: КГУ, 1977.

Петрушева Л. И. Верховный комиссариат по делам русских беженцев и русских учебных заведений в эмиграции // Нансеновские чтения. 2007. СПб.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2008. С. 25–32.

Положение беженцев // Закон и Суд: вестн. русского юридического о-ва. Рига, 1931. №17.

Раев М. И. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 292 с.

Савченко Т. К. «День русской культуры» в среде русской эмиграции первой волны // Polilog studia neofilologiczne. 2012. №2. С. 143–154.

Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Париж; Москва: Русский путь; YMCA-Press, 1996. 445 с.

Яценко А. Русская книга после октябрьского переворота // Русская книга. Берлин, 1921. №1. С. 2–7.

О. Мязотс

ВОЙНА КАК ИГРА

Детские книги, написанные накануне Первой мировой войны, отражают существовавшее в обществе представление о том, что война — это благородный поединок, который ведется по законам чести. Война в книгах, обращенных к юному читателю, часто показана как игра, что существенно умалляет трагизм и антигуманизм военной катастрофы. Однако, опыт Первой мировой войны показал, что появился совершенно новый тип военных действий, при котором индивидуальное начало нивелируется, где отринуты все правила и нет места игре.

Ключевые слова: Первая мировая война, игра в войну, детская литература конца XIX — начала XX в., детская литература о войне.

Детская литература в той же степени, что и взрослая, может быть насыщена различными идеологическими смыслами, в связи с чем вопрос о специфике читательской рецепции приобретает особую остроту. Если взрослый читатель в ряде случаев может противопоставить пропаганде тех или иных идей свой жизненный опыт и рационально-критические установки, то ребенок в этой ситуации оказывается практически беззащитен. Детские книги воспринимались и воспринимаются обществом, прежде всего, как воспитательный ресурс, как «агенты влияния», и часто используются как средство пропаганды. В этой связи представляется продуктивным исследование такой проблемы, как скрытая и явная пропаганда милитаризма в детской литературе на материале круга чтения участников Первой мировой войны (1914–1918). Еще накануне войны ура-патриотическая тема присутствовала в детских книгах, а с ее началом число таких произведений многократно возросло.¹

Хочется отметить, что на сегодняшний день эта тема оказалась почти не затронутой — при изучении Первой мировой войны детские книги в качестве источников используются крайне редко. Между тем, значительная часть солдат попадала на фронт буквально со школьной скамьи. В годы войны в армиях всех стран-участниц оказались тысячи очень молодых людей, мировосприятие и пове-

дение которых, определял прежде всего опыт детства и юности — в том числе и прочитанные в этом возрасте книги. Иного жизненного опыта у них фактически не было.

Какой представлялась будущим солдатам война до того, как они сами на нее попали? Ответ на этот вопрос поможет нам объяснить поведение людей той эпохи: внезапную и повсеместную эйфорию первых месяцев после объявления войны, когда мирные люди и добрые соседи вдруг мгновенно преобразились в оголтелых врагов, радостное желание участвовать в войне, охватившее даже тех, кто считал себя прежде пацифистами, и в то же время быстрое разочарование, приведшее, в том числе, к эпизодам братания на передовой на рождество 1914 г. — уже в первый год войны!

Попробуем выяснить, какие книги читали будущие солдаты, и тогда, возможно, мы сумеем понять, какой образ войны складывался у них на основе прочитанного. Конечно, на отношение к войне детского читателя рубежа веков влияли не только книги, но и убеждения родителей, уроки школы, правила детского коллектива и многое другое. Мир предвоенного детства отражен не только в книгах для детей, но и еще более полно в книгах о детях, то есть в произведениях, изначально обращенных ко взрослому читателю, где изображается юный герой и описываются этапы его взросления. Включим и их в наше исследование. Для анализа выбраны произведения писателей разных стран — Венгрии, Италии, Германии, Великобритании; созданные до и после Первой мировой войны, они позволяют сравнить: с какими идеалами уходило на войну молодое поколение и как они менялись у тех, кто пережил эту трагедию.

Анализируя изображение военных конфликтов в детских книгах этого периода, исследователи чаще всего обращаются к популярным жанрам детской литературы — приключенческим романам, дешевым книжным сериям и публикациям в журналах². Действительно, такая литература имела большую читательскую аудиторию и часто являлась ангажированной, внушая идеи агрессивного патриотизма, имперского величия, и утверждая романтический образ войны как таковой. Среди наиболее популярных авторов можно назвать плодовитого английского беллетриста Джорджа Артура Хенти, авторов приключенческих романов англичанина Райдера Хаггарда, француза Луи Буссенара, выдающихся английских поэтов Роберта Бриджеса и Редьярда Киплинга. Однако оценить реально влияние этих произведений сложно: как выяснить, что больше увлекло читателя — приключения или идеологическая подоплека?

В настоящем исследовании предпринимается попытка ввести в круг изучения книги, ранее не анализировавшиеся с точки зрения их связи с Первой мировой войной. Эти произведения были созданы в разных странах и со временем стали признанной литературной классикой. Для нас важно, что все они сохранили образы детей предвоенной эпохи, это позволяет нам использовать их в качестве художественно-документального свидетельства, чтобы узнать, какой образ войны был сформирован у поколения, которому выпало участвовать в Первой мировой.

Среди бестселлеров предвоенного времени — повесть итальянского писателя Эдмондо Де Амичиса «Сердце: Записки школьника». Опубликованная в 1886 г., она была переведена на множество языков, книгу читали, включали в школьную программу по всей Европе (в том числе и в России). По сути — это литературная обработка школьного дневника, который вел сын писателя Энрико. Автор стремится воспитать в мальчике (и в юных читателях) гуманное отношение к миру, человеколюбие, сострадание к бедным, а для этого, считает он, необходимо обратиться непосредственно к человеческому сердцу. Особую важность придает писатель воспитанию любви к родному краю — Италии:

Я люблю Италию, потому что моя мать итальянка, потому что кровь, которая течет в моих жилах, — итальянская кровь, потому что земля, в которой погребены те, кого оплакивает моя мать и чью память чтит мой отец, это итальянская земля, потому что город, где я родился, язык на котором говорю, книги, по которым учусь, — итальянские, потому что мой брат и сестра, мои товарищи и весь великий народ, среди которого я живу, — итальянцы, потому что прекрасная природа, которая меня окружает, и все то, что я вижу вокруг себя, что люблю, что наблюдаю, чем люблюсь, все это итальянское.

[Амичис 1958, с. 96]

И в то же время, рассуждая о патриотизме, Амичис связывает его с противостоянием «чужому» и в первую очередь — с обязанностью защищать родину от врага. Несомненно, надо учитывать, что книга была создана в период борьбы Италии за независимость, но посыл автора шире — патриотизм и война в представлениях Амичиса неразрывны. Вот что он пишет в дневник сыну:

<...> с особой силой ты почувствуешь все величие этого чувства в тот день, когда вражеский натиск бросит на твою родину огненный

ураган, и ты услышишь бряцание оружия, увидишь, как юноши строятся в легионы, как отцы целуют сыновей, говоря им: «Будьте героями», и как матери прощаются со своими детьми, крича им: «Возвращайтесь с победой!»

Ты почувствуешь священную радость этой любви, если тебе повезет увидеть, как в родной город возвращаются поредевшие полки, усталые оборванные, страшные на вид, с торжественным блеском победы в глазах и истерзанными знаменами над головами <...> Ты поймешь тогда, что такое любовь к родине, Энрико, поймешь, что такое Родина.

Родина так велика и священна, что если бы я увидел, как ты возвращаешься, невредимый, из битвы за родину, ты — моя плоть и часть моей души, и я знал бы, что ты сохранил свою жизнь, потому что сумел скрыться от смерти, то я, твой отец, который с такой радостью встречает твое ежедневное возвращение из школы, я заплакал бы, увидев тебя, вся моя любовь к тебе исчезла бы и я до самой смерти ощущал бы в сердце глубокую рану.

[Амичис 1958, с. 97]

Для Амичиса война — лучшая возможность проявления патриотизма. А что же жертвы войны — павшие, искалеченные? Даже скорбя о погибших, автор считает, что это необходимая и неизбежная дань. То, что жертвой может стать и ребенок, его не смущает. Несколько глав книги посвящены рассказам о детях, принимавших наравне со взрослыми участие в военных действиях. В рассказах «Маленький ломбардский разведчик» и «Маленький барабанщик с острова Сардиния» офицеры поручают мальчишкам самые опасные задания, посылая их практически на верную смерть. Автор сознательно акцентирует физическую слабость и юный возраст героев — одному десять лет, а другому на вид едва можно дать двенадцать. Амичис, воспевая благородство смерти за правое дело, несомненно отдавал себе отчет, что подобная романтизация пустит корни в юных сердцах и подстегнет мальчишек пополнять ряды малолетних беглецов-добровольцев. В годы Первой мировой бегство детей на фронт станет повсеместно массовым явлением. Есть ли место детям на войне? Таких сомнений Амичис не знает.

В рассказе «Маленький барабанщик с острова Сардиния» капитан отправляет подростка [у которого нет даже имени! — *О. М.*] на задание, которое может стоить мальчику жизни, но это не вызывает у взрослого ни сомнений в принятом решении, ни сожалений. Напротив: капитан следит за тем, как связной под обстрелом бежит по полю, видит, что того ранило в ногу, и досадует лишь об

одном: его поручение может быть не выполнено. Никакой жалости к мальчику он не испытывает: «*Да беги же, беги! — повторял капитан, стиснув зубы и кулаки, — собери последние силы, умри, несчастный, но беги!*» [Амичис 1958, с. 92]

Капитану не жаль раненого мальчика, он не раскаивается, что послал на задание самого юного и слабого. Барабанщик для него — лишь исполнитель приказа. Позднее, капитан и маленький связной снова встречаются, но уже в госпитале. Впрочем и туда офицер пришел не в поисках мальчика, а ища своего раненого лейтенанта. Вид лежащего на койке ребенка также не вызывает в нем сочувствия: «— *Ты здесь? — удивился капитан. — Молодец, ты выполнил свой долг*» [Амичис 1958, с. 94].

Он лишь случайно узнает из объяснения врача, что мальчик лишился ноги, из-за того что, выполняя боевое задание, не сразу обратился к врачу,

<...> грубый солдат, который никогда не сказал ни одного мягкого слова своим подчиненным, произнес невыразимо взволнованным и нежным голосом:

— Я только солдат, а ты — герой.

Потом он опустился на колени перед койкой и прижал мальчика к своему сердцу.

[Амичис 1958, с. 96]

Стоит ли говорить, что подобная сцена пробуждала в читателях не только стремление самим принести героическую жертву, но и оправдывала, окружая героическим ореолом, участие детей в военных действиях, одновременно снимая со взрослых ответственность за безопасность и благополучие детей.

Смерть маленького ломбардца описана еще более яркими красками:

— Прощай, юный храбрец!

— Вот тебе цветы, белокурый герой!

— Слава тебе! Прощай! — Один офицер положил ему на грудь собственную медаль за храбрость, другой нагнулся и поцеловал в лоб.

Цветы все сыпались и сыпались на его босые ноги, на окровавленную грудь, на белокурую голову, а мальчик как-будто спал, лежа на траве, покрытый родным знаменем, с белым, словно улыбающимся лицом... Казалось, он слышал все, что происходило кругом, и был счастлив, что отдал жизнь за свою дорожную Ломбардию.

[Амичис 1958, с. 52]

Иллюстрация к рассказу «Маленький барбанщик с острова Сардиния» из итальянского издания “Amicis De Admondo” Cuore. Milano, 1905

Эти сцены лишь одна из вариаций популярной в литературе XIX в. темы детской смерти — от сентиментального образа ребенка-жертвы до патетического пропагандистского идеала юного героя. Мы без труда вспомним немало литературных персонажей, умерших, не успев повзрослеть, они встречаются и в тех книгах, которые выбраны для рассмотрения в данном исследовании. Гибель детей преподносилась не только как трагедия или как неизбежная утрата (учитывая высокую детскую смертность в то время), но и как нечто радостно-манящее. Подобная точка зрения была настолько распространена (не только в Италии, но и шире, во всей европейской культуре), что позволяет исследователям говорить, например, «о культе юношеской смерти в викторианско-эдвардианское время». [Kimberley, p. 261] Не случайно знаменитый Питер Пэн восклицает с восторгом: *«Смерть станет грандиозным приключением!»*

А. А. Милн в антивоенном памфлете «Мир, как дело чести» вскрывает лицемерие любых попыток возвеличить героическую смерть. В пронзительном рассказе о молодом англичанине, встретившемся Милну в июле 1916 г. во Франции, привычный мягкий юмор рассказчика обращается в клокочущий, нескрываемый гнев, а сама история превращается в трагическую пародию на популярный литературный шаблон.

Вот этот рассказ. Возвращаясь в свой батальон, Милн встречает в дороге юношу, приписанного к тому же подразделению, что и он.

А. А. Милн в годы Первой мировой войны

Разговорившись с попутчиком, рассказчик узнает, что тот только-только закончил школу и рвется на фронт. Родители юноши, недавно узнавшие о гибели на фронте их старшего сына, раздобыли для младшего... кольчугу — в надежде, что она уберезет его от клинка или осколка снаряда. Юноша признается, что весьма смущен этим подарком, но он дал родителям слово носить кольчугу и, верный обещанию, взял ее с собой во Францию. И вот теперь он спрашивает у Милна как у старшего товарища совета: как ему поступить с родительским подарком? Ответ писателя исполнен деликатности и какой-то особой трепетной заботы:

Полагаю, что, как человек, только что окончивший школу, он считал, что это «неспортивно»; что так не поступают; что, возможно, это даже проявление трусости. Его юный ум разрывался между верностью слову, данному матери, и ненависти к необычному положению, в котором он оказался. Он спросил моего совета: с таким обаянием, трогательно и доверчиво. И я сказал ему: носи и маме напиши, что носишь, чтобы она знала, что с ее подарком он в безопасности и наверняка вернется домой живым. Не знаю, последовал ли он моему совету... Да и неважно теперь, потому что вечером, когда мы добрались до линии фронта и только-только устроились на привал выпить чаю, его убило случайным снарядом.

И далее Милн, изменяя привычной сдержанности, срывается на прямое обличение:

Не понимаю, как можно называть это славной смертью и подобающей смертью! И, возможно, его отцу и матери тоже этого не понять; несмотря на уверения Полковника, что их сын умер столь же благородно, как и жил — как и положено английскому джентльмену.

[Milne 1934, p. 55]

Горький опыт Первой мировой войны развеет этот мрачный идеал, оглядываясь назад, писатели послевоенного поколения будут с горечью писать о том, как их обманули: «Сентиментальное мнение, что война — это демонстрация героизма, где выдают дипломы всем участникам — далеко от истинного положения дел. Все, что связано с современной войной, до смешного мало имеет общего с героизмом» [Milne 1934, p. 52]. Но образ ребенка-воина еще не раз будет брать на вооружение машина взрослой пропаганды.

Трагическое восприятие гибели на поле боя умалялось и распространено во второй половине XIX и начале XX в. представлением о том, что войну можно и должно вести по правилам. Идея ввести войну в цивилизованные рамки была присуща не только литераторам, но и политикам. Во второй половине XIX в. начинается процесс создания международного гуманитарного права, призванного определить правила ведения войн и утвердить нормы гуманного отношения к раненым и пленным. В 1864 г. была принята первая Женевская конвенция (расширена в 1906 г.) — свод международных норм права, относящихся к военным конфликтам. Если целью Женевских конвенций было улучшение участи больных и раненых солдат в действующих армиях и защита прав военнопленных, то в принятых в 1899 и 1907 гг. Гаагских конвенциях речь шла уже о регулировании военных действий.

Предвоенный период в Европе был относительно мирным: военные конфликты чаще всего происходили за пределами европейских стран и были связаны с империалистическими захватами новых территорий. Эти военные экспедиции воспринимались скорее как увлекательные приключения и повод проявить героизм.

При этом война, в том рафинированном приукрашенном виде, в каком она преподносилась, воспринималась людьми как нечто естественное, как дыхание, и более того — как дело чести.

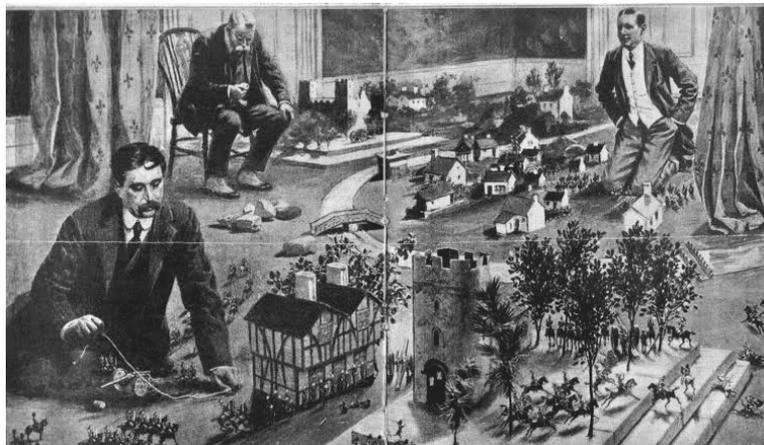
Сравнение войны и игры — спортивной или благородного рыцарского поединка по правилам — встречается в литературе того времени часто³: английский литератор Осберт Ситвел, говоря об отношении англичан к войне в XIX в., писал: «Войны, если и случались, то не были всеобщими — что-то вроде олимпийских игр, только с оружием. Вы выигрываете один раунд, противник — другой. И речи не было о полном истреблении и битве до последнего, точно так же, как и на матчах по боксу» [Sitwell 1947, P. 199].

Рост популярности спорта, и особенно командных игр, также влиял на представления молодежи о соперничестве по правилам. Хорошо известно английское выражение «это не крикет», означающее, что поступок был совершен нечестно и неблагородно. Воспитатели стремились прививать детям принципы благородного соперничества. Этому учила и детская литература. Тема спортивных игр постоянно присутствует в детских книгах, особенно в школьных повестях — жанре, появившемся как раз в середине XIX в. Среди наиболее популярных книг, ставших литературной классикой, можно вспомнить «Старшин Вильбайской школы» Тальбота Рида. Приключенческие романы, действие которых часто проходило в новых владениях на окраинах империй, также вносили свою лепту, представляя войну как лучшее средство от скуки слишком спокойной жизни.

Веру в то, что войну можно заключить в рамки и что тогда она превратится в увлекательное приключение, разделяли многие. Интерес к войне подстегивал азарт империалистических завоеваний. С другой стороны, успехи теории дарвинизма упрочили представление о том, что война — неизбежная и необходимая часть процесса «естественного отбора», то есть явление прогрессивное — значит, надо просто научиться с ней уживаться, а — в идеале — ею управлять.

Не только дети, но и взрослые играли в войну. И при этом заботились о том, чтобы все было «по правилам». Это желание отразилось в книге «Малые войны» Герберта Уэллса. Хотя она предназначалась в первую очередь взрослым, которые, играя в солдатик, компенсируют свою потребность в реальном соперничестве, но и дети, по мнению писателя, так же могли участвовать в «малых войнах». Не случайно подзаголовок уточняет намерения автора: его книга предназначена для «мальчиков от 12 до 100 лет и наиболее смысленных девочек, которым нравятся мальчишеские игры и книги»⁴.

В предисловии к «Малым войнам» Герберт Уэллс с упоением рассказывает, как они вместе с другом, писателем Джеромом К. Джеромом, взявшись играть в солдатик, решили придумать правила, чтобы «гуманизировать войну». «Вот гомеопатическое средство для стратега с живым воображением. Здесь есть и обдумывание ходов, и азарт, нацеленность на победу и готовность принять с честью поражение, но — никаких повреждений и ран, никаких разрушенных домов и разоренных территорий...». Книга — это запись выработанных в ходе игры правил: как в шахматах определено время для

Писатели Герберт Уэллс и Джером К. Джером играют в «малую войну»

«хода» любого игрока, описаны передвижения каждого рода войск и оговорено, что война ведется не до победного конца, а до тех пор, пока три бойца одной армии не пробьются в тыл противника.

Герберт Уэллс видел свою задачу не просто в создании правил игры, он считал, что его книга послужит более важным целям:

Я бы хотел закончить эту книгу одним, пусть, возможно, мало приятным выводом, который может вызвать раздражение тех, кто воспекает Большую Войну и рвется принять в ней участие. Ни разу в этих малых сражениях мне не встретился ни один военный, капитан, майор, полковник, генерал или высокопоставленный командующий, который бы не столкнулся с трудностями и не запутался бы даже в этих элементарных правилах ведения войны. Достаточно сыграть в Малую Войну три-четыре раза, чтобы понять, какой неразберихой может стать Великая война.

Великая война, в настоящее время, я убежден — не только самая дорогая игра в мире, но это игра, не знающая границ. Не только массы людей, материальных средств, страданий и бедствий чудовищно велики по сравнению с поставленными целями, но и имеющиеся у нас в наличие головы слишком малы для этой затеи. Это, мне кажется, — неизбежный пацифистский вывод, к которому Малая война приводит вас с такой же неизбежностью, как и Великая война.

Представление о войне, как об увлекательной игре поддерживала и детская литература, которая в XIX в. динамично развивается, приобретая все большее влияние. «Одним из парадоксов представ-

ления войны в детской книге было то, что сражение превращалось в дистиллированную индивидуальную схватку» [Higonnet 1998 p. 3].

Впрочем, реальная жизнь детей редко находила отражение в детской литературе XIX в., которая отдавала предпочтение приукрашенному романтическому идеалу. Тем ценнее детские книги, сохранившие для нас достоверные картины детства предвоенной эпохи.

В книге венгерского писателя Ференца Молнара «Мальчишки с улицы Пала» (1908) юные будапештцы воюют из-за пустыря — единственного клочка земли, где они могут играть вволю. События происходят в самом начале XX в., современному читателю не трудно предположить, что пройдет десять лет, и герои повести окажутся на фронте. Но идеалы, с которыми они отправятся на войну, воспитываются уже сейчас. В обеих компаниях строгие порядки: есть свой командир, своя иерархия, штаб, знамя. Но есть и нечто большее — свои законы: кодекс чести, соблюдать который обязан каждый. Честь — вот качество, которое превыше всего ценят все герои книги. Понятия о чести лежат в основе всех поступков мальчишек, даже воюют они по правилам, им не нужна победа любой ценой — только честный поединок:

Все помыслы приковала к себе война, которая должна была начаться во второй половине дня. После латыни к Боке толпами стали подходить гимназисты из других классов, предлагая свою помощь. Бока отвечал всем:

— К сожалению, не можем никого принять. Мы будем защищать свою страну сами. Возможно, краснорубашечники и сильнее нас, но мы возьмем сноровкой. Будь что будет — мы решили сражаться одни.

[Молнар 1958, с. 114]

Перед финальным сражением обе партии договариваются о правилах боя:

Надо кое о чем условиться. Я не хочу, чтобы война превращалась в драку.

— Мы тоже этого не хотим, — угрюмо сказал Пастор <...>

— Предлагаю сражаться только тремя способами, — продолжал Бока. — Первый — песочные бомбы, второй — борьба по правилам и третий — фехтование на копьях. Правила вы ведь знаете?

— Знаем.

— Кто коснется обеими лопатками земли, тот побежден и бороться больше не имеет права. <...> А копьём нельзя ни бить, ни колоть. Только фехтовать.

— Ладно.

— И вдвоем на одного не нападать. Но отряд на отряд нападать может. Это условие принимаете?

— Принимаем.

[Молнар 1958, с. 124]

Подлость, предательство, обман заслуживают осуждения в обеих компаниях. Когда Гереба, один из мальчиков, тайком выкрадывает захваченное противником знамя и хочет вернуть его команде Боки, надеясь тем самым искупить совершенное предательство, прежние товарищи отказываются принять и предателя, и знамя.

— Я раскаиваюсь... страшно раскаиваюсь... Я принес вам знамя, которое Фери Ач захватил, а Немечек хотел унести обратно...

С этими словами он [Гереб. — *О. М.*] вытащил из-под куртки маленькое ало-зеленое знамя. У Боки заблестели глаза. Знамя все измято, истерзано: видно, что за него боролись. Но это-то и было в нем самое прекрасное. Изорванное, оно выглядело как настоящее знамя, пронесенное сквозь огонь сражений.

— Знамя, — возразил Бока, — мы отберем у краснорубашечников сами. А не сумеем отнять — один конец. <...> Но получить знамя из твоих рук — нет, этого нам не нужно. И сам ты не нужен.

[Молнар 1958, с. 104]

Знаменательно, как на предательство сына реагирует отец Гереба.

Мой сын прибежал сейчас домой весь в слезах. <...> он ничего не хотел говорить. Только когда я строго-настрого приказал ему выложить мне все, он признался, что вы заподозрили его в предательстве. На это я ему ответил: «Я сию же минуту беру шляпу и иду к этим мальчикам. Поговорю с ними и спрошу, в чем дело. Если они ошиблись, я потребую, чтобы перед тобой извинились. Но если это верно — хорошего не жди, потому что отец твой всю жизнь был честным человеком и не потерпит, чтобы сын предавал товарищей.

[Молнар 1958, с. 109].

Стремление жить по чести объединяет детей и взрослых. Гереба спасает великодушие малыша Немечека. Да и прежние друзья не выдали того, кто их предал. Более того, у них хватило мудрости и достоинства принять раскаявшегося приятеля назад. Честь предполагает не месть, а великодушие — вот еще один урок этой книги.

Трагически обрывается жизнь самого маленького героя книги — Немечека. И здесь мы снова встречаемся с идеалом героической смерти. Немечек, самый слабый и маленький из всех, вечно быв-

ший на побегушках у старших, заслужит уважение и друзей, и противников тем, что был верен долгу и чести. Для Молнара важен не только пафос трагической гибели, в не меньшей степени его волнует реакция на нее остальных персонажей: нарушение правил ведения войны воспринимается юными героями как преступление против чести, поэтому скорбь о гибель мальчика объединяет недавних противников.

Мальчишеское противостояние описывает и немецкий писатель Эрнст Глезер в романе «Год рождения 1902» (1928), действие которого происходит накануне и во время Первой мировой войны. Эта книга, написанная уже после окончания войны, показывает, как представление о войне как о благородном поединке рушится, столкнувшись с реальностью. Рассказ ведется от лица мальчика-подростка, раскрывая те перемены, которые происходили в сознании общества (и детей в том числе) с началом войны.

Здесь идею благородного соперничества отстаивает школьник Ферд фон. К. — сын аристократа, майора, вышедшего в отставку вскоре после падения Бисмарка. Отец воспитывает сына в «строгих рыцарских традициях военной знати до-буржуазной эпохи».

Всякое разногласие он решал корректным с точки зрения спорта поединком. Но приходил в ярость, если дрались не по-джентельменски. Если кто-нибудь в драке пользовался недозволенным приемом, например, лягал противника, ставил ему подножку или бил в живот. <...> Ферд не знал врагов, а только противников в борьбе. Он не был злопаятен к тем, кого победил.

[Глезер 1930, с. 21]

Так, Ферд встает на защиту мальчика-еврея Лео Зильберштейна, которого травят науськиваемые учителями одноклассники: «Мой отец на днях говорил, что в мои обязанности входит заступаться за слабых. Паршиво — бить человека, о котором знаешь, что он не может защищаться!» [Глезер 1930, с. 15]

Благородные правила, унаследованные от отца, Ферд стремится передать своим сверстникам, которые относятся к нему с уважением. «Он был герой. Он был идеал» [Глезер 1930, с. 37]. Действие романа начинается накануне войны, о которой уже спорят, но в начале которой еще не верят. Герой с матерью отправляются летом на отдых в швейцарский санаторий, где мирно живут представители разных наций. Так же мирно протекают и детские игры. Герой дружит с французским мальчиком, и они, даже не зная языков друг друга, легко разрешают любые споры в игре:

Когда мы спорили из-за мячика, палки, из-за какого-нибудь причудливого камешка <...> мы просто дрались за этот камешек, пока один из нас не оставался победителем, и тогда камешек переходил к нему. Не было никаких слов, никаких недоразумений и лжи; дрались на совесть, по-честному <...> Таким образом мы в братской борьбе делили между собою то, что нам нравилось.

[Глезер 1930, с. 135]

Однако с началом войны обстановка в санатории резко меняется, и матери с сыном, как немцам, приходится буквально спасаться бегством. Вернувшись в свой городок они также находят его преобразованным: все население, включая детей, охвачено военной эйфорией. И вот уже бывшие школьные друзья начинают травить Ферда фон К. за то, что он не поддерживает их патриотизма и предрекает, повторяя слова своего отца, поражение Германии и победу Англии. Презрев все правила благородной схватки, одноклассники нападают на него целой шайкой и привязывают к дереву, готовясь учинить расправу. «Он был один, а врагов много» [Глезер 1930, с. 169].

Но правила честного поединка развеиваются не сразу. «Сволочи! — Кричал Август, и глаза его налились до-красна. — Десятеро на одного!» [Там же] Один из мальчишек, Калмык, швыряет в Ферда камень и попадает в голову. Этот поступок возмутил даже тех, кто сам нападал на Ферда. «Молодой Хаугвиц сказал: «Хоть он и англичанин, но это подлость» [Глезер 1930, с. 171].

В столкновении старой морали и новой реальности войны старая этика гибнет: прежние «правила игры» отринуты, личное благородство больше не в чести, и идея честного соперничества вытесняется жаждой расправы и победы любой ценой. По дороге домой на Ферда нападает разбушевавшаяся толпа. Друзья его защищают, но это уже инерция старых, отринутых войной, правил чести: «Мы все еще любили Ферда. Несмотря на войну... Вопреки нашим убеждениям» [Глезер 1930, с. 172]. Появляются новые жестокие игры — подростки сообща травят бедняка Пфайффера, который «ни в чем не был «настоящим германским мальчиком» 1914 г.» [Глезер 1930, с. 191].

В наших играх Пфайффер изображал неприятеля. Это значит, что *все лупили его сообща* [курсив мой — О. М.]. Смотря по тому, на кого сейчас велось наступление, он был то русским, то французом. На его спине, которую мы избивали до синяков и подтеков, мы праздновали победы наших отцов. Пфайффера колотили постоянно. <...> Он был козлом отпущения для нашего патриотизма.

[Глезер 1930, с. 192]

Не рыцарский поединок, а массовая расправа становятся основой новых игр. Поколение, верившее в войну по правилам, оказывается заложником своих идеалов. Вопреки своим убеждениям и уверенности в несправедливости войны, в которой Германия обречена на поражение, майор фон К. отправляется на фронт — «в свой полк», потому что он «исполняет свой долг». Отец Ферда гибнет — и смерть его символизирует гибель старого мира.

Молодые люди, отправлявшиеся на войну, становились жертвами тех фальшивых идеалов войны-приключения, войны-благородного соперничества, которые им внушало общество, школа, литература. Осознание обмана, развенчание иллюзий происходило во время войны постепенно и стало очевидным только после войны. И тогда писатели с гневными обвинениями обрушились и на систему воспитания. Ричард Олдингтон в романе «Смерть героя» нарисовал типичный портрет выпускника школы — тысячи подобных молодых людей пополнили в 1914 г. ряды офицеров:

Иванс был самый обыкновенный юноша, каких пачками выпускают английские школы: на удивленье невежественный, на удивленье неспособный дать волю какому-то живому чувству, но при этом очень «порядочный» и добродушный. Сила воли помогала ему исполнять все, что его обучили считать своим долгом. <...> Он принимал на веру все предрассудки и запреты, обязательные для английского среднего буржуа, и безоговорочно им повиновался. Английский буржуа всегда прав и непогрешим, что бы он ни думал и как бы ни поступал, а все прочие думают и поступают неправильно. Иностранцев Иванс презирал. Он и не читал ничего, кроме Киплинга, Джеффри Фарнола, Элинора Глин и газет. <...> Он отлично бегал, был полузащитником в школьной футбольной команде и прославился игрой в крикет. <...>

Война для него была делом простым и ясным. Англия всегда права. Англия объявила войну Германии. Значит, Германия не права. <...> Он был невыносимо глуп, но честен, отзывчив и совестлив, умел повиноваться приказу и добиваться повиновения от других, и по-настоящему заботился о солдатах. Можно было не сомневаться, что он пойдет первым в самую безнадежную атаку, а в обороне будет стоять насмерть. Таких, как он, были тысячи и десятки тысяч.

[Олдингтон 1976, с. 235–237]

Развенчание иллюзий происходило не сразу. Идеал войны как «дела чести», героического поединка в духе рыцарского средневе-

Британские солдаты беззаботно шагают на войну — как на веселую игру

ковья или спортивного состязания активно поддерживался военной пропагандой. Есть свидетельства, что идея игры, применялась британскими офицерами для поднятия боевого духа личного состава. «Во время первой мировой войны боевые действия представляли взрослым и детям как спорт, что-то близкое к приключениям скаутов или футбольному матчу. Например, британские офицеры подбадривали солдат, посылая их в самоубийственные атаки на заграждения из колючей проволоки, бросая на нейтральную полосу футбольный мяч. Подобные аналогии неизбежно становились центральными в детских книгах» [Nigonnet 1998, p. 3]. В то же время в английской антигерманской пропаганде одним из козырей было обвинение в том, что немцы ведут себя «неспортивно».

Между тем Первая мировая война, в ходе которой впервые в истории было применено оружие массового поражения, уничтожила личную волю, превратив бойцов в солдатскую массу. Индивидуальное решение, поступок, личный героизм оказались смяты стихией массовой войны. Никакие правила здесь больше не действуют. «Играть» в такую войну невозможно. Рассуждая о том, как изменилась роль солдата в современной войне, молодой финский писатель русского происхождения Генри Парланд, писал о романе Э. М. Ремарка «На Западном фронте без перемен»:

Мировая война привела к полной переоценке вклада отдельной личности и ее значения в битве. Она вычеркнула последние остатки вос-

Футбольный матч между британскими и германскими солдатами, Фландрия, Рождество 1914

ходящего еще к средним векам поединка и заменила понятие личность на совершенно новые: масса и техника. Солдат отныне перестал быть активной фигурой — активность передана пушкам и пулеметам — от человека требуется лишь умение сидеть до последнего в окопах и ждать своей судьбы.

[Parland 1932]

Об этом же, завершая памфлет «Мир как дело чести», писал и А. А. Милн:

Я еще раз прошу вас всех сорвать вуаль сентиментального мистицизма, сквозь которую мы смотрим на войну, и увидеть ее такой, какая она есть на самом деле. — Слова, которые у вас на протяжении многих лет ассоциировались с войной: «победа», «поражение», «репарации», «гражданское население» — все утратили свое значение; точно так же, как слово война утратило свой смысл. Это больше не война, а нечто, чему еще не придумано названия, но нечто столь отличное от Наполеоновских войн, как те от матчей по боксу.

[Milne 1934, p. 209]

Возможно, именно потеря героических благородных идеалов, которые участники войны восприняли в юности (а не переживание *позора* поражения и ужасов войны), стала основной причиной появления «потерянного поколения» — людей, разочаровавшихся в жизненных принципах, которые в них воспитали, и безуспешно ищущих опоры в безоблачном счастливом прошлом, уничтоженном войной. «Литература потерянного поколения стала обвинением тому

подвергнутому санитарной обработке, романтизированному и украшенному образу войны, который преобладал в предвоенной литературе — это был могущественный и влиятельный вид «старой лжи», которая сбывает молодежи идеи патриотизма, долга и благородной жертвы, убеждая, что война — романтическое и увлекательное приключение» [Paris 2004, p. XII].

Для детской литературы Первая мировая война так же имела важнейшие последствия, упрочив пацифистские тенденции, подтвердив ответственность детского писателя за те идеи, которые он представляет юному читателю, не способному самостоятельно оценить их критически. Постепенно складывается представление о войне, как о массовой бойне, отраженное, спустя десятилетия, в сказочных эпопеях Дж. Р. Р. Толкина и К. С. Льюиса, ставших культовыми книгами для многих поколения читателей. Идеи этих книг так же берут свое начало в опыте Первой мировой, через которую прошли их авторы. С 1920-х гг. в детской литературе начнет формироваться стойкая позиция неприятия любой войны. Как противопоставление военной пропаганде станут утверждаться ценности человеческой жизни, личных прав человека, как важнейшего гуманистического принципа.

Идея войны, как игры по правилам, была уничтожена трагическим опытом Первой мировой войны. Однако, это не повлекло незамедлительного и полного отказа от желания «играть в войну». В полную силу эта тенденция заявит о себе лишь после новой трагедии — Второй мировой войны.

Примечания

¹ При этом следует отметить, что «военная тема» — т. е. описание боевых действий и армейской жизни — занимала не столь значительное место в детской литературе XIX в., уступая книгам о приключениях. Прежде всего, военная тема появлялась в произведениях авторов популярных романов и дешевых книжных серий, в то время как ««респектабельные» писатели хранили молчание» даже после начала Первой мировой войны [Hunt 1994, P. 104]. Подробнее об этом: см.: *Cadogan M., Craig P. Women&Children First: The Fiction of Two Wars* [Cadogan 1978] и *Widhe Olle Dö din hund! Krig, lek och läsning i svensk barnboksutgivning under 200 år* [Widhe 2015].

² Подробный разбор произведений, опубликованных в английских журналах для мальчиков, приводит Рейнольд Кимберли, отмечая, что энтузиазм, с каким молодые британцы отправлялись на войну во многом был определен «воздействием влиятельного мифа, представлявшего войну в романтическом ореоле, как время для проявления юношеского героизма, мужского братства и возможность проявить вызывающие всеобщее восхищение черты характера: патриотизм, чувство долга, мужество, готовность поставить общие интересы превыше личных» [Kimberley 2009, P. 256]

³ См. подробнее: *Fussell P. The Great War and Modern Memory* [Fussell 1975].

⁴ Далее цит. по эл. ресурсу: <http://www.gutenberg.org/files/3691/3691-h/3691-h.htm>

Источники

- Амичис де Э.* Сердце. Записки школьника. Л.: Лениздат, 1958.
Глезер Э. Год рождения 1902. Ленинград: Кооперативное издательство «Время», 1930.
Молнар Ф. Мальчишки с улицы Пала. М.: Детгиз, 1958.
Олдингтон Р. Смерть героя. М.: Художественная литература, 1976.
Milne A. A. Peace with Honour. Lnd.: Methue & Co. Ltd., 1934.
Parland H. Den okände soldatens grav // Parland H. Återsken, Helsingfors: Söderström, 1932. P. 117–118.
Sitwell O. Great Morning. Boston, 1947.
Wells H. Little Wars. London: F. Palmer, 1913.

Исследования

- Cadogan M., Craig P. Women&Children First: The Fiction of Two Wars.* London: Victor Gollancz Ltd., 1978.
Fussell P. The Great War and Modern Memory. N. Y. -Lnd.: Oxford University Press, 1975.
Hunt P. An Introduction to Children's Literature. Oxford: Oxford University Press, 1994.
Higonnet M. R. War Games // Lion and Unicorn, 1998, №22, P. 1–17.
Kimberley R. Words about War for Boys: Representation of Soldiers and Conflict in Writing for Children before World War I. //Children's Literature Association Quaterly, 2009, №1. P. 255–271.
Kutzer D. M. Empire's Children: Empire and Imperialism in Classic British Children's Books. N. Y. Lnd., Garland Publishing, 2000.
Paris M. Over the Top: The Great and Juvenile Literature in Britain. Westpoint-London: Praeger, 2004.
Widhe Olle Dö din hund! Krig, lek och läsning i svensk barnboksutgivning under 200 år. Stockholm: Ellerströms, 2015.